

тался у него один только мясной пирог, и не было другой пищи. И пирог этот отнял у него Рейнард Лис.

Потом заговорил Кот Тиберт

Тогда из толпы вышел Кот Тиберт, и был он сильно разгневан и сказал:

«Милорд король, я слышу, как многие здесь поносят Рейнарда, и никого нет, кто потрудился бы оправдать его. Жаловался и Кортойс. Много лет уж минуло с той поры, а я не жаловался, хотя пирог тот был моим. Это я раздобыл его ночью на мельнице. Мельник лежал и спал. А если Кортойсу что и перепало от того пирога, так только через меня».

Заговорила потом Пантера

«Думаешь ты, Тиберт, что не пристало здесь жаловаться на Рейнарда, а он ведь настоящий убийца, разбойник и вор, и никого он не любит, даже короля, нашего господина, как то должно быть. С легкостью оставит он и добро и честь, чтобы только заполучить одну жирную куриную ножку. Я расскажу вам то, что сама видела. Расскажу, что сделал он вчера с Зайцем Кивартом, который стоит здесь под защитой и охраной короля. Обещал он Киварту, что научит его Символу Веры, и тот станет добрым капелланом. Усадил он его у себя между лап, стал громко петь и кричать: „Верую, верую“. А я тогда проходила мимо и услышала эту его песню. Тогда я подошла ближе и увидела, что вдруг оставил мессир Рейнард свое пение и молитвы и стал играть в другую свою старую игру. Схватил он Киварта за горло, и, если бы не подоспела я тогда, он бы лишил его жизни. Посмотрите, и вы увидите свежие раны у Зайца Киварта. Ибо правду говорю, милорд король, если оставишь ты такое безнаказанным, ипустишь с миром, того, кто нарушил наш покой, и не совершишь справедливого суда над своими подданными, через многие годы детей твоих обвинят в этом. И правду сказал ты, Изегрим, – уверенно продолжала Пантера, – добро и справедливость должны свершиться во благо тех, кто с радостью будет жить в мире и согласии».

Говорил потом Барсук Гримберт, сын сестры Лиса. Он защищал Рейнарда перед королем

Заговорил потом Барсук Гримберт, который был сыном сестры Лиса. Был он в гневе.

«Сир Изегрим, злые речи в обычае у врагов, они редко говорят добро. В чем ты обвиняешь моего дядю Рейнарда? Кто из двоих более виноват перед другим, того и должно повесить как вора на дереве. Но будь он сейчас здесь и предстань перед королем, как ты сейчас, то тебе бы не отделаться тем, чтобы просто выйти перед всеми и просить у него прощения. Ты нанес ему раны, терзал дядю злобными и острыми зубами так много раз, что я и сказать не могу. Расскажу я лишь о некоторых вещах, какие знаю. Разве ты не помнишь, как несправедливо поступил с рыбой, которую он сбросил с повозки? Ты следовал за ним вдаль и съел всю хорошую рыбу, оставив ему лишь хребет да кости, которые сам ты не мог съесть. Так же поступил ты и с жирным свиным окороком, что пах так ароматно. Ты один набил им свое брюхо, а когда дядя попросил свою долю, вновь ответил ему с презрением: „Рейнард милый, с радостью отдам твою долю“. Но мой дядя ничего не получил и не добился справедливости. А это он, презирая страх и опасность, отвоевал тот свиной окорок. Ведь пришел человек и бросил его в мешок, так что он едва сумел спасти свою жизнь. И подобные обиды множество раз терпел Рейнард от Изегрима.

О милорды, думаете вы, что этого достаточно, но он еще жалуется на дядю моего Рейнарда, что тот оскорбил его, обидев жену. Мой дядя возлег с ней, но было это семь лет назад, еще до того, как Изегрим женился на ней. И если Рейнард получал с ней удовольствие, что из того? Вскоре она уже излечилась от любви к нему, и, значит, по праву не должен был Изегрим жаловаться. Ему не следовало упоминать об этом, ибо и себе не сделал он чести, возведя напраслину на свою жену. Она не выступала с обвинением и не жаловалась. И выступление Зайца против моего дяди, по моему, просто глупость. Если он не усвоил урока как должно, разве не вправе Рейнард, его наставник, наказать его за провинность? Когда бы школьников не били, не наказывали и не взыскивали с них за леность, никогда они бы и не выучились.